

Михаил Игнатенко

Оттенки дьявольской скуки

Массивный люк отворился, и на лестнице, ведущей во мрак подвала, показалась нога старика. Затем показались костыли. С немалым трудом дед преодолел все ступеньки и остановился на каменном полу. Слабый свет керосиновой лампы, болтавшейся на одной из дубовых опор, подпиравших потолок, освещал помещение. По правую руку от лестницы в стену была вделана огромная дубовая дверь, обитая металлическими пластинами, увенчанная массивным засовом. Напротив двери, метрах в трех, на табурете сидел парень. Увидев старика, он приподнялся.

– Дед?

Старик подковылял к парню и изучающее посмотрел на него.

– Ты в порядке?

– Да, наверное. Не уверен. Не знаю, – замялся юноша.

– Хорошо. Я принес еду, помощи снять.

Парень помог старику снять со спины небольшой мешок, что висел там на кожаном ремне.

– Вода, хлеб, кукуруза.

– А мне обязательно это делать? – вдруг спросил парень. – Я имею в виду, – почему нельзя открывать эту дверь? Что там такого?

– Ты сам прекрасно знаешь.

– Вранье это все. Глупые легенды – ничего более.

В ответ тишина.

– А если открою?

Внезапно старик, не выпуская из подмышек костыли, схватил парня за руку и сильно сжал. Парень подался вперед, лицо искривилось в гримасе боли.

– Слушай меня внимательно, сынок. То, что находится за этой дверью... чтобы это ни было... ты этого не сделаешь, слышишь? – Мужчину переполняли эмоции и вместо того, чтобы сказать «Как ты не понимаешь?», он еще сильнее сжал запястье парня. – Эту дверь нельзя открывать!

– Хорошо, хорошо! Мне больно! – в глазах парня блеснула слеза. – Я понял!

Старик с короткой густой бородой и лицом лесника в третьем поколении ослабил хватку.

– Боже!

– Ты здесь, потому что пришло и твое время. В нашем роду через это проходят все мужчины и ты не исключение. Не позволяй себе расслабиться ни на секунду.

Парень кивнул.

– Пока Он молчит, но скоро... – дед покосился на дверь – ...заговорит.

Время пришло.

С этими словами он заковылял обратно к лестнице.

– Я буду здесь до его прихода, – сказал он, не оглядываясь. Затем мне придется уйти в лес. Меня не будет три дня, а когда я вернусь, ты либо сделаешь то, что должен, либо...

Старик остановился, оперевшись на костыли. Маслянистый свет лампы освещал его спину, отбрасывая причудливую тень на первые ступени лестницы. Тело мужчины задрожало.

– Дед, ты в порядке?

– ...либо, – слова давались деду буквально через силу, – ...он уже близко, я это чувствую. Близко!

Костыль выскользнул из-под руки и, подкосившись, словно спиленное дерево, старик упал на каменный пол подвала. Чуть выше колена, где заканчивалась его правая нога, а штанина была аккуратно свернута, проступило темное пятно. Парень поспешил деду на помощь.

– Что с тобой?

– Рана, – тяжело сглотнув слюну, ответил старик, – кровоточит.

– Тебе нужен врач...

– Нет! – отрезал он, словно под штаниной была не культяпка, а нечто иное, противное человеческому взгляду. – Врачи тут бессильны.

Дрожащими пальцами он провел по ноге, затем взглянул в глаза внуку. На лице старика читался неподдельный страх. За все 16 лет Патрик не видел деда в таком состоянии. Истинный, неподдельный страх. Он мог поклясться, что в его роду не было трусов и, хотя он не знал своего отца, все равно был уверен, что и он был мужественным человеком.

Патрик помог деду встать, подал упавшие костыли.

– Он уже совсем близко и когда он придет, я не смогу тебе помочь. Ты сам должен будешь принять решение. Таков обычай. Ты должен это понимать, – с надеждой в голосе сказал старик.

– Знаю. А мой отец тоже через это прошел?

– Таков обычай.

– Что с ним случилось? Почему мне о нем никто ничего не рассказывал?

– Я вернусь через три дня, – настаивал дед. – Если за это время ты не найдешь ответы на свои вопросы и, если ты все еще будешь жаждать ответов, я расскажу. Сейчас же ты должен остаться один.

Старик с трудом преодолел несколько ступеней. На последней ступеньке он остановился передохнуть и замер, словно ожидая еще одного вопроса. Капельки крови, просачиваясь через штанину, падали на ступеньку.

– А он знает? – раздался голос парня. Голос, напоминавший неуверенную поступь человека, попавшего во мрак. – Об отце? Знает?

– Три дня.

Спустя несколько секунд люк подвала захлопнулся, и парень остался один. Послышался глухой стук засова, звякнула цепь, лязгнул замок.

Таков обычай.

Самое ужасное в таких местах – это то, как тянется время. Оно становится словно кисель. Густой и вязкий. Минуты превращаются в часы, часы в дни, а от звука собственных мыслей можно сойти с ума.

Патрик оглядел помещение. Обычно здесь было полно утвари: верстак был завален инструментами, полки ломились от банок с грибами, медом. По углам стояли бочки, мотки проволоки, различные прутья и прочее барахло, несомненно, нужное в повседневной жизни. Но сейчас здесь было необычайно пусто: инструменты отсутствовали, полки пустовали. Дед настоял, чтобы внук поднял все наверх. Так надо. Зачем?

Патрик был уверен, что с момента, когда дед был здесь в последний раз, прошла неделя. Пару раз он подливал в лампу керосина. Это значит, что прошло, по крайней мере, два дня, хотя он и не был уверен. Парень испражнялся так же скудно, как и ел. Все чаще он отключался, а когда приходил в себя, то не сразу осознавал где находится. Почему он здесь? Традиция? Обычай? Согласно легенде... Чушь. Дед сказал, что кто-то должен прийти, он будет по ту сторону двери. Будет говорить. Не открывать дверь.

Патрику снились сны. Разные. Реалистичные. В одном из таких снов он лежал на берегу моря, светило яркое солнце, сыпучий песок грел тело. Где-то высоко над головой кружили чайки. Шум плещущихся волн успокаивал. Запах соли, моря... Патрик никогда не видел моря, но был уверен, что там так же здорово, как в его снах. Теплый ветер теребил челку волос, ласкал кожу. Очередной порыв ветра метнул в лицо парня горсть песка. Патрик закашлялся, открыл ссохшиеся глаза.

Мрак и холод окутали его со всех сторон. Каменный пол подвала. Писк крыс в дальнем углу. Осознав, где он находится, парень тяжело выдохнул. Сил не осталось даже на мысли. Он лежал на холодном полу подвала, повернувшись на бок, лицом к массивной двери. Тишина резала уши.

Внезапно Патрику показалось, что он слышит знакомый звук. Что за черт? Звук, знакомый звук. Чайки. Запах соли и моря. Порыв сквозняка из-под двери колыхнул волосы на лбу парня. Как во сне. Парень с трудом поднялся и подошел к двери. Смена положения тела вызвала легкое головокружение, и Патрик прислонился лбом к двери. Пляж. Теперь он отчетливо его видел. Белый песок, солнце, плещущиеся волны, чайки, кружащие высоко в небе. Патрик отдернул голову, видение исчезло, однако запах моря и крики чаек никуда не делись. Они доносились словно издалека. Патрик прислушался. Кроме всего прочего там было еще что-то. Что-то, что он не успел усмотреть. Что-то? Может, кто-то?

Шелест песка, затем легкий скрип, тяжелый стук о дерево и, несколько секунд спустя, зазвучала мелодия. Играл рояль. Медленная, медитативная, печальная мелодия. Чайки и плеск волн вторили мелодии. Патрик вновь прислонился лбом к двери. Пляж. Метрах в двадцати, прямо на песке стоял рояль.

На табурете, спиной к парню, сидел мужчина. Патрик не смог определить, во что он был одет, такой одежды он раньше не видел, что-то странное.

Пальцы незнакомца неспеша бегали по клавишам, в небе кружили назойливые чайки.

– Вот видишь, Патрик, у этих пальцев отличная память, – заговорил мужчина. Он говорил медленно; слова текли из его уст точно как время в этом чертовом подвале. Кисель.

Какое-то время незнакомец наслаждался звуками рояля, покачиваясь на табурете в такт мелодии. Время от времени он запрокидывал голову и, наверное, закатывал глаза. Потом вновь заговорил:

– Мне здесь нравится. Здесь красиво. Что скажешь?

Патрик заворожено смотрел на песок, на волны, на незнакомца. Ему казалось, что он все еще лежит на полу обессиленный, голодный и ему снится этот прекрасный сон. Когда дед спустится в подвал, завтра, может даже сегодня, он уже будет мертв.

– Ты, наверное, думаешь, что уже умер? – Спокойный голос. – Не спеши, успеется.

– Кто ты? – выдавил Патрик

Мужчина медлил с ответом. Продолжал играть.

– Друг.

– Зачем ты пришел?

– Ты знаешь. Не так ли?

Патрик знал. Знал все это время, но не верил. С раннего детства его готовили к этому дню, кормили легендами, байками. Он не верил. А теперь... что теперь?

Одна из чаек села на рояль, прямо перед носом незнакомца. Он не обратил внимания, продолжая музицировать. К ней присоединилась вторая, пожирнее, потом еще одна, еще. Очень скоро весь рояль был усеян птицами. Пищащая и гадящая свора. Мужчина сделал красивый пассаж на низких нотах и резким движением руки схватил одну из чаек. Остальные тут же разлетелись, однако через мгновение вернулись на место. Крышка рояля была белая от помета. Он поднес птицу к лицу, погладил по головке.

– Эти мерзкие твари... в них есть что-то от людей, ты не находишь? Сходство определено есть.

Несколько перьев упали ему на колени. Следующим движением он свернул чайке шею, прокрутил несколько раз в кулаке и, отделив голову от тела, запустил себе в рот. Освободившиеся руки вновь легли на клавиши, и мелодия возобновилась. Патрик отпрянул от двери, постоял какое-то время, отгоняя позыв тошноты, затем вновь прикоснулся лбом к двери. Мужчина наигрывал тоскливую мелодию, неспешно двигая челюстями. Пара глупых чаек сидели у него на плече.

– Открой дверь, Патрик, – обыденным голосом проговорил он. – Разрешите мне войти.

– Нет.

– Похвально.

Мужчина дожеввал то, что жевал, а то, что не полезло в горло, выплюнул в толпу птиц. Те с радостью набросились на добычу. Завязалась секундная драка.

– Тогда иди ко мне сам. Ты же всегда мечтал увидеть море?

– Нет.

– Да брось. – Голос звучал отчетливо, не смотря на расстояние, крики чаек и шум волн. – Неужели ты думаешь, что я не смогу открыть эту дверь? Ты серьезно?

– Чего же ты ждешь? – не раздумывая спросил парень.

Мужчина прекратил играть и резко обернулся. Патрик отпрянул так быстро, что едва успел заметить только часть лица. Парню показалось, что глаза незнакомца светились красным светом. А, может, ему действительно только показалось. В любом случае, этого хватило. Он понял, что не хочет видеть остального. Секунду он стоял в замешательстве, обдумывая свои последние слова, и, не зная что делать, затем услышал, что мужчина идет в его сторону. Не только услышал, но и почувствовал. Складывалось впечатление, что морские волны бились прямо о дверь, а песок вот-вот начнет просачиваться через неплотности косяка. Несколько чаек царапали металлическую обшивку двери своими лапами.

– Патрик? – Голос раздался прямо за дверью. – Ты смелый малый. В твоём роду это традиция, я знаю.

– Откуда? – взволнованно спросил парень. В голосе читался испуг.

За дверью раздался смех. Громкий, каркающий, булькающий смех, увенчанный кашлем.

– Скажем так, – посмеиваясь сказал ОН, – я знал их всех.

– А мой отец?

– И его я знаю. Это было не так давно. Открой.

– Что с ним случилось?

– Дверь, Патрик, – напомнил голос. – Разреши мне войти.

– Я должен знать! Почему мне о нем никто ничего не говорит?! – чуть не плача кричал парень.

– Он сделал свой выбор. – Все тот же спокойный голос. – Всем приходится выбирать. Твой прадед, дед твоего прадеда, отец, твой дед – всем пришлось. И тебе придется, так или иначе.

Патрик опустился на колени и заплакал. У него не осталось сил выслушивать одни и те же ответы на свои вопросы. Это нечестно!

– Он здесь, сынок. Если хочешь, я могу отвести тебя к нему?

– Ложь!

– Он тоже о тебе все время спрашивает: как там мой мальчик? Как там мой Патрик? Ты можешь повидаться с ним.

– Мне придется впустить тебя?

– Вовсе нет. Ты же идешь ко мне в гости, а не я к тебе.

Патрик сидел на полу и смотрел на дверь. В голове всплыли слова деда «Не открывать дверь!». И что? Жить в неведении, во лжи? В конце концов, ОН прав: я иду к нему, а не он ко мне. Что может случиться?

Юноша встал на ноги, и в этот момент массивный засов, хранивший злосчастную дверь взаперти долгие годы, сам собой выдвинулся из пазов. Патрик от неожиданности отскочил назад, споткнулся и повалился на пол. Головой задел табурет; объединенный кукурузный початок покатился по полу. Звякнула пустая фляжка из-под воды. Дверь, скрипнув, отворилась меньше, чем на четверть. В проеме показалась нога незнакомца, рука, часть бедра, плечо. Патрик во второй раз обратил внимание, что покроем одежды незнакомца был ему совершенно незнаком. Гладкие коричневые ботинки на ногах, синего цвета штаны.

Лица не было видно. ОН стоял на пороге, но не входил.

– А ты не верил, – послышался задумчивый голос. – Как только придешь в себя, входи. Я буду ждать, дальше, по тропе.

Не долго думая, Патрик, поднялся с пола. Посмотрел на керосиновую лампу. Огонек внутри практически погас. До прихода деда оставалось несколько часов. Парень собрал волю в кулак и, отбросив все мысли и страхи, перешагнул через порог.

Горячий песок приятно грел ноги. Теплый, влажный ветер, дувший с моря, тербил грязные волосы. Господи, море! Только сейчас юноша осознал, что первый раз в жизни видит море по-настоящему, не на картинках. Невероятной красоты зрелище. Вода простиралась до самого горизонта, сливаясь с небом. Казалось, ей нет конца. На душе у Патрика разлилось чувство приятной безмятежности.

Незнакомец шел недалеко впереди. Чайки кружили над его головой высоко в небе. Дойдя до рояля, Патрик остановился, потому что ОН теперь шел к нему на встречу. Но, когда человек в непонятной одежде подошел совсем близко, за спиной парня раздалась знакомая мелодия. Печальная, медитативная мелодия. Патрик обернулся. На табурете сидел знакомый незнакомец и наигрывал свою любимую мелодию. Как и прежде он раскачивался в такт музыке и запрокидывал от удовольствия голову.

– Вот видишь, Патрик, теперь и ты сделал свой выбор. Все, как и прежде.

В этот момент следы помета на крышке рояля обратились каплями крови, густой, практически свернувшейся. В небе теперь парила свора ворон. Человек, сидевший на табурете, рассмеялся холодным смехом. Патрик обернулся. Мужчина, шедший ему на встречу, теперь стоял прямо перед ним. Его лицо было полностью сожжено. Безликое, темно-красное месиво. На щеках белели кости скул.

«Пианист» схватил Патрика за руку, и в голове парня сверкнула молния. Глаза закатились кверху, и он увидел знакомое помещение подвала. Те же пустые полки, ни одного инструмента, керосиновая лампа, фляга с водой. На полу корчится молодой человек лет двадцати пяти. Он что-то кричит, хватая себя за голову, как будто борется с кем-то. Затем хватая керосиновую лампу, разбивает

и выливает остатки керосина себе на лицо. Яркая вспышка пламени, пузырящаяся кожа.

ОН отпустил руку парня и продолжил наигрывать мелодию.

– Твой отец. Ты же хотел знать, верно? Будьте знакомы.

Патрик еще раз посмотрел на обгоревшее лицо своего отца, но подул ветер и тело последнего, превратившись в пепел, унесло в море.

– После того, как твой пра-пра-прадед воспользовался пилой, чтобы оставить мне на память несколько частей своего тела, твои предки решили выносить из подвала все опасные предметы на время моих визитов. – Мужчина рассмеялся, продолжая наигрывать свою дьявольски красивую мелодию. – Но твоему отцу это не помогло, верно?

Патрик посмотрел под ноги. Тепло исходило не от песка, а от пепла. Он огляделся. Вместо воды в море плескалась черная жижа.

– Верни его! – крикнул юноша, бросаясь на пианиста и обхватывая ЕГО шею руками. – Верни или я убью тебя!

Мужчина рассмеялся:

– Прекрати Патрик, я боюсь щекотки!

Юноша сбил убийцу своего отца с ног и изо всех сил сдавил шею, но это было все равно, что пытаться сдавить ствол пробкового дерева. Незнакомец искренне хохотал, раскинув руки.

– Давай, Патрик! Валяй! Убей меня!

– Да кто ты такой!? – вскричал парень.

– Можешь звать меня Рэндел, сопляк. У меня много имен, но они тебе ни к чему!

Патрик всем телом навалился на своего врага, но все его усилия уходили в никуда. Коленом парень ощутил какой-то предмет, зарытый в пепле. Им оказался человеческий череп, пожелтевший от времени. Изо всех сил юноша ударил Рендела черепом по лицу. Головушка развалилась на куски. Удар пришелся Ренделу по скуле.

– Ооойй, – симитировал вопль боли мужчина и вновь разразился отвратительным хохотом. Похоже, происходящее доставляло ему истинное удовольствие.

– Если бы я знал, что будет так весело, пришел бы раньше!

Патрик схватил осколок черепа и, сжав его в руке, словно кинжал, полоснул противника по лицу. Как ни странно, на месте пореза образовалась кровоточащая рана. Возбужденный видом крови, юноша стал наносить удар за ударом, не замечая, что режет себе ладони острыми краями осколка.

– Восхитительно!

Дед вернулся из леса через три дня, как и обещал. Это были мучительно долгие дни. Кульпяка кровоточила, обдавая болью все тело. Дед молился. Все

время, что он бодрствовал, он молился. Просил Господа Бога дать внуку сил пройти испытание. Не поддастся искушению, соблазну, – что бы не предлагал Сатана. В ночь на третьи сутки деду было видение. Некто вышел из-за деревьев (старик его не видел) и держал речь:

– Ты просишь помочь внуку, – говорил тот, – но сам нечист.

Старик заплакал. Он знал. Ну, конечно! Правду трудно скрыть, особенно от того, у кого просишь помощи.

– Если бы ты рассказал внуку об отце, предупредил об опасности...

– Я не смог! – рыдал старик.

– Потому что за молчание Он обещал вернуть тебе ногу, которую ты сам и отрезал?

В ответ надрывный старческий плач.

– Ты погубил сына, теперь и внука.

– О, Боже, Патрик, нет! Я виноват!

– Теперь поздно.

Со слезами на глазах старик схватил костыли и как мог быстро заковылял в сторону дома.

Щелкнул замок, лязгнула цепь, открылся люк. Старик буквально сполз по лестнице вниз. Костыли разлетелись по сторонам. Еще подходя к дому, он слышал крик. Душераздирающий крик боли.

В подвале было темно, лампа давно погасла. Ее остатки теперь валялись на каменном полу, прямо под опорой, на которой она висела. Патрик с осколками стекла в руке катался по полу, издавая нечеловеческие вопли.

– Патрик, нет! – крикнул дед и пополз в его сторону. – Остановись!

Патрик его не слышал. Стекло превратило его ладони в лохмотья, боль заглушала все звуки. Дед медленно приближался к внуку, размазывая по каменному полу свежую кровь внука, стирая ее одеждой.

– Умри! – крикнул юноша, и что было сил саданул стеклом по лицу. Брызги крови окрасили его лоб в черную крапинку. Патрик наносил удар за ударом, изменяя себя до неузнаваемости. Кусок щеки упал на робу, скатился к ногам. Затем еще один, еще. Следующим ударом парень попал себе в глаз. Раздался хлопок. С таким звуком лопаются дымовые грибы в лесу, если на них наступить. Вязкая жижа потекла по тому месту, где минуту назад была щека.

– Боже, нет! – рыдал старик, хватая внука за ноги. – Прошу!

Спустя мгновение бездыханное тело парня упало рядом с дедом. Старик рыдал как никогда в своей жизни. Громко, задыхаясь.

– Господи, прости!

В ответ раздался смех. Знакомый, каркающий смех, доносившийся из-за двери.

– Господь? Это тот неудачник, что приходил к тебе ночью, прячась за деревьями? – все еще смеялся голос. – Вечно его нет, когда он нужен, да?

Старик лежал на залитом кровью полу и плакал.

– А парень постарался на славу, что скажешь? Это оказалось забавней, чем я ожидал. Но ты тоже молодец, Уильям!

– Будь ты проклят!

Каркающий, булькающий смех.

– Пожалуй, я верну тебе ногу, как и обещал! Ты заслужил.

С этими словами мужчина стал отдаляться от двери. Послышался скрип стула, и вновь заиграла знакомая мелодия. Невидимые пальцы плавно скользили по клавишам.

– Я приду вновь. Не скоро, у меня еще полно дел, но обязательно приду. Тебе это интересно? – спросил голос издалека.

Старик провел рукой по тому месту, где последние 52 года была культяпка. Ссохшиеся от крови пальцы, не нащупали культяпки. Они нащупали ногу.

– Как новая, правда? Пользуйся, пока есть время. И не говори, что овчинка не стоила выделки? – ЗЛЮ вновь рассмеялось.

Старик похоронил внука рядом с сыном. На скрытом от посторонних взглядов участке, в лесу. Спустя неделю умер и он. Однажды, проезжавшие жители близлежащего поселения, заглянули в его дом попросить о ночлеге. Старик сидел у камина в кресле-качалке и давно уже не напоминал человека. Единственное, чего не заметили путники, так это входа в подвал. Его просто не было.

А в это время, где-то ТАМ, высоко в небе кружили чайки, плескались волны, светило солнце. В воздухе разливалась тоскливая, дьявольски красивая мелодия. Мужчина, сидевший за роялем, остановился и задумчиво погладил по головке одну из чаек.

– Ничего, дурашка... найдем чем заняться.

Игнатенко Михаил aka Fulton
Декабрь 2004